

ЖЕНЯ ГРАНЖИ

НЕФОР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Женя Гранжи

Нефор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21990768

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03885-1

Аннотация

Первая книга о неформалах и неформальной культуре в российской провинции 1990-х годов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Intro	5
1	7
2	18
3	37
4	47
5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Женя Гранжи

Нефор

Дмитрию Ценёву, другу и учителю, разделившему со мной эпоху, посвящаю.

Intro

Високосный 1996-й год. Российская провинция.

Время, когда одичавшая за семьдесят лет голода и жадная до духовности страна кинулась жрать всё без разбора. Ветхие пуританские годы, в которые звучавшее в радиоэфире слово «секс» пахло экстремизмом. Эпоха, набившая денежными купюрами кулаки вчерашних рок-бунтарей, безвозвратно утянув их в трясину сверкающего гелем для волос мейнстрима. Когда безбрежная свобода, смерчем вырвавшись из подвалов со звуками барабанов и гитарного драйва, прекратила войну людей и рок-н-ролльщиков, в каждом городе бывшего советского отечества оставались те, чья война продолжалась.

Неформалы роились в городах с двумя кнопками на телевизоре и тремя – на радиоприёмнике, редко переваливая за четырёхзначное количество. Они не смотрели MTV и не задумывались над тем, что же имел в виду уральский розовощёкий эстет, из каждого второго динамика страны именуя себя гетеросексуалистом. Они носили косухи и практиковали пирсинг, рискуя лишиться за подобные опознавательные знаки здоровья и жизни – в отличие от столичных brothers in arms. Музыка самого бесталанного из них в честности своей разделявала под кокос тысячу топовых лонгплеев. Ни секунды не задумывавшихся над выбором «свобода или жизнь», их жизнь сама служила прямым ответом, заталкивая их ан-

деграунд в андеграунд.

Все персонажи и события реальны, любое совпадение с вымышленными лицами и ситуациями является случайным.

1

Звонок взорвал сон.

Рука пьяной змеей выскользнула из-под одеяла и с третьей попытки нащупала трубку надрывающегося телефона.

– Ммм... Алло.

– Алло, Бес! – вздрезжал пейджером взволнованный голос.

– Ну.

– Это я, Дуст! Алло! Слышь?!

– Говори уже.

– Я, это... У нас тут... Короче, Костяна подрезали. Дуй сюда пулей!

Остатки сна разлетелись в секунду.

– Вы где?!

– В первой!

– Бегу!

Спотыкаясь и скользя по паркету, одетый ещё со вчерашнего утра, Гарик подбежал к тумбочке в прихожей и худой рукой сгрёб с неё ключи. Надел тёртую косуху, запрыгнул в кеды и похлопал себя по карманам – сигареты, зажигалка, нож-бабочка, деньги, гоп-пачка – распахнул дверь и выбежал из квартиры, на ходу натягивая на косматую голову вязаную шапку-буратинку с вышитым пацификом на лбу.

Возле подъезда тёрлась сизая компания соседей-старше-

классников. От них круглосуточно и круглогодично разило «Моментом».

– Э, слышь! Ессигарета? – Бессмысленные глаза впёрлись Гарику в лицо.

Он торопливо достал гоп-пачку, раскрыл её и показал руке с разбитыми костяшками.

– С-с-слышь, а можно парочку, да?

И, не дожидаясь ответа, сизый неторопливо выцарапал разом пять сигарет, презрительно поморщился на косуху и отвернулся к своим, до зеркальности похожим на него.

Гарик вывернул из двора и перебежал на солнечную сторону улицы, бурлящей грязью весны. Несмотря на март, солнце уже припекало. Сугробы скукоживались и ручьились в общее журчание тепла, уменьшаясь в размерах с невероятной быстротечностью. Запах весны туманил голову и подогревал чувство жизни.

Путь до больницы занял бы десять минут, но Гарик свернул в парк, максимально его укорачивая.

Вдоль центральной аллеи, усаженной с обеих сторон ког-тистыми яблонями, сосали утреннее пиво рослые молодые люди в кепках-уточках, компаниями по два-три человека. Водрузившись на лавочные спинки, они щёлкали семечки и сплёвывали шелуху по разным сторонам насестов, помечая рамки личного пространства. Глаза их напоминали немые окна. Две компании медитировали в начале аллеи, одна – в конце.

Гарик ступил на асфальт аллеи. Ближняя тройца повернула в его сторону мутные стёкла глаз и вдруг разразилась хохотом, от удовольствия запрокидывая головы. С одного свалилась кепка, и он суетливо умолк, поднимая и заботливо отряхивая её от грязи. Двое других, смотревших напротив, распечатывали «Беломор». Один рефлекторно дёрнулся в сторону идущего, но, поёрзав глазами, глухим выстрелом выплюнул табак из беломорины и потерял интерес к неформалу, сосредоточившись на косяке. Гарик прошёл мимо и исподлобья оценил компанию в конце аллеи.

Их было трое. Привлечённые гоготом предыдущих, они скинулись с насеста и вразвалочку прошагали на середину асфальта. Крепыш с ярко-багровым лицом занял центр аллеи, держа кулаки в карманах спортивных штанов с белыми лампасами. Замедляя шаг, Гарик нащупал в правом кармане «бабочку» и взял влево, чтобы обойти, но багровый, будто его кольнули, сорвался с уверенной стойки и, семена, подбежал к Гарику.

– Э! Э-э-э, слышь, мль! Стой, стой. Притормози.

Гарик притормозил. Краснолицый брезгливо смерил его глазами, похожими на пуговицы, и вяло произнёс:

– Слышь чё. Это... – Он поразмыслил. – Дай сигарету.

Гарик вынул из левого кармана гоп-пачку и устало подумал: «И почему у них всегда рожи такие, будто только что из бани... Точно фонари, хоть путь в ночи освещай». Багровый взял пачку исколотыми пальцами, прикурил, молча выдал по

сигарете двум остальным, тут же заложившим их за уши, и сам затолкнул пачку обратно в косуху. Обшарил карман изнутри и вынул клешню. Гарик расслабленно выдохнул и посягнул продолжить путь, но в плечо его уверенно упёрлась ладонь.

– Стой, стой, мль. Погоди.

Багровый достал из штанов горсть семечек, щёлкнул и сплюнул.

– А ты чё, это... Меломан, что ли?

Последнее слово он произнёс почти по слогам, вкладывая в него какую-то особую значительность.

– Ну да.

– Ммм, – удовлетворился ответом багровый.

У него явно была масса свободного времени.

– А у тя, слышь, это... Какое погонялово?

– Гарик.

– Чё?

– Гарик!

Мутные пуговицы угрожающе выпучились на ярко-багровом фоне.

– Слышь, чушок, – прорезался внезапный голос, – я тя спрашиваю про погонялово, мль! Ну, типа как ты там, в этой вашей тусовке, кличут? Ну, Череп там, или Вурдалак, или Мудак? Вы же это...

Он оскалил зубы и, выставив из кулака указательный палец с мизинцем, обнаруживая чувство ритма, синхронно по-

тряс рукой и бритостью макушки.

– Вы же типа это... Хэви-металл, да? Все дела, мль. Да?

– Да.

Краснолицый замер, ещё больше выпучил глаза и прогаркал Гарику в лицо:

– Чё ты дакаешь! Я грю, звать ты как, чертила?!

В нос Гарику смрадно ударило кислой смесью дрянного пива и анаши.

– Бес.

Тройной гогот разразился на весь парк такими децибелами, что стоя голубей, мирно пасшаяся неподалёку, в панике сорвалась и разлетелась по деревьям. Двое оказались сзади и заходились в истерике, хлопая себя ладонями по коленям и окружая. Глаза Гарика задвигались, тело выпрямилось, рука в кармане вцепилась в «бабочку».

– Кто-кто ты? – перешёл на ультразвук краснолицый. – Бес? Чёрт ты лысый, блядь!

И кулак врезался неформалу в живот. Дыхание перехватило, рука вылетела из кармана, оставив нож внутри. Гарик скрючился, но не успел издать и звука, как тут же получил второй удар – по тыльной стороне колена – от кого-то сзади. Он повалился на землю и прерывисто захрипел. Прижал колени к груди, закрыл виски ладонями и приготовился. Но, кроме очередного залпа кричащего хохота, больше ничего не произошло.

Гогот прекратился удивительно внезапно и почти сразу.

Троица вернулась на скамейку, «псссс» – открыла пиво, молча отхлебнула по очереди и затрещала семечками, внезапно утратив интерес к физическим упражнениям.

Гарик поднялся, зная, что больше ничего не последует, и, прихрамывая, побрёл в конец парка.

Покинув парк, он пересёк улицу, и перед ним выросло шестиэтажное серое здание с обшарпанным фасадом. На табличке центрального входа значилось: «Первая городская больница города Градска».

У входа – худощаво и небрито – вертелся человек с сигаретой в зубах и яркими фингалами под глазами. На нём болтался чёрный балахон с надписью «ДДТ». Бандана пестрела анархистской символикой и буквами «Г» и «О». Разглядев Гарика, он отбросил сигарету и в три прыжка оказался рядом. Они поприветствовали друг друга хлёстким аплодисментом.

– Ну? Что произошло-то?

– Проникающее в живот произошло.

Дуст оглянулся по сторонам и затараторил, надрываясь от шёпота:

– Вчера ты домой свалил, а мы с Костяном ещё по пиву решили.

– Вдвоём?

– Да. Все уже рассосались потихоньку. Тут Вентиль подваливает. Мол, то-сё, пацаны... Сейшн вообще забойный вышел. Это... Молодцы, мол, пойдёмте пивка накатим. Он ти-

па ставил.

– Ну.

– Ну, мы к скверу отошли, за перила, как обычно. Вентиль за пивом погнал, а мы с Костяном стояли, курили, нормально всё было, тихо. Это... Тут из сквера четверо выруливают, по ходу, в дрова угашенные.

Дуст выковырнул из балахона сигарету и жадно прикурил.

– Ну вот. Нас увидели – и по сценарию, короче: «О! Ниферы, ёпт!».

Тут он очень похоже изобразил утиный манок.

– Алё, ниферы! Сигареты есть типа? Ну, у меня кончились, и у Костяна тоже только гоп-пачка оставалась. Он лысому протягивает, а тот: ты чё, гандон, фуфло мне суёшь! Свои давай! Ну, знаешь же, мне-то по барабану, а Костяну спьяну башню рвёт. Он в карман полез, типа за пачкой, чего-то там поелозил и кастетом лысого как приложит!

Он изобразил правой рукой апперкот.

– По-любасу челюсть раскрошил. Вентиль уже с пивом подбегал – он второго сзади по башне бутылкой грохнул.

Дуст крепко затянулся.

– А ты?

– Я вообще ничего сообразить не успел – мне от третьего прилетело. Да... А четвёртый, сука, Костяна-то и пырнул. И пяти секунд, наверно, не прошло. Тут они оба втопили. Это... Вентиль за ними погнался, да толку-то. Он скорую с ментами и вызвал.

– А те двое?

– Так и лежали, пока менты не упаковали. Когда они в бессознание валялись, мы с Вентилем им шнурами гитарными руки за спинами связали и до ментов на них верхом просидели.

– И что менты?

– А что менты... Заяву приняли, допросили, автографы зафиксировали и выпустили. Даже без освидетельствования. Так что мне мой грим концертный, – он очертил глазные фонари, – можно сказать, это... на память. В отделении ждали долго. Менты никого ловить не рвались. Вентиль это... даже бурагозить вздумал на них – это с коробком-то на кармане!

Дуст звонко постучал кулаком по голове.

– Нас чуть в обезьянник не утрамбовали. Благо мусора бухие – не обыскивали. Как вышли, я в больницу рванул, отсюда сразу тебе и позвонил. А Костяна прооперировали, в палату не пускают ещё. Хрен знает, что там.

– Весело, блин. А родные? Звонил им?

– Звонил, да. Матери дома нет, а Катюху застал. Она уже едет. Ты раньше подтянулся. Оперативно ты... А вон она!

К больнице подбегала эффектная яркоглазая девушка лет восемнадцати. В кедах, короткой кожаной курточке и с тёмными волосами, собранными хвостиком на затылке. Дерзкая ярко-розовая прядь хвоста живо прыгала влево и вправо. На плече сверкала белая сумочка, украшенная пацификом из стразов.

Девушка нацелилась на ступеньки главного входа, но Дуст крикнул: «Кать!», и она остановилась, рассеянно озираясь по сторонам. Увидев парней, оживлённо приподняла брови и подбежала к ним.

Гарик знал, что у барабанщика есть сестра, но увидел её впервые. И ощутил, как под ногами качнулась земля.

Гарик, Дуст и Костя были ровесниками, но двое последних, кроме этого, – ещё и одноклассниками. Ослепительная Костина сестра выросла у них на глазах и сейчас училась на втором курсе медвуза. Единственным неформалом, которого она знала лично, а не только по рассказам брата, был Дуст, прозванный так за любовь к группе «ДДТ». Дуст часто захаживал к Градовым в гости и питал влюблённую слабость к Кате, на чём, впрочем, не настаивал, не упуская между тем всякой возможности покуситься на неё поцелуем или объятиями. Каждый раз, когда он появлялся в квартире Градовых, они с Костей, позвякивая пакетами, закрывались на кухне, и из-под двери весь вечер тянуло сладковатым дымом.

Катя бегло обнялась с Дустом и сочувствующе сверкнула в подбитые глаза. Затем поприветствовала Гарика, и он поймал её взгляд на своём подбородке. Или на губах. А может, ему и вовсе показалось. Он растерянно кивнул в ответ и громко втянул ноздрями воздух. Земля повторно качнулась. Девушка мягко пахла сиренью.

– Что с Костей? – обернулась она к Дусту.

Дуст повторил рассказ, усиленно жестикулируя, захлёбы-

ваясь в мыслях и упомянув в раже повествования, что Беса там не было. Гарик вскинул на него бровь, и Дуст стущёванно добавил, что прилетел Бес, между прочим, по первому зову. Катя бегло взглянула на Гарика, и снова ему показалось...

Розовая прядь ярко запрыгала по руинообразной лестнице. Все трое поднялись к центральному входу и вошли в залитую светом больницу.

– Какая палата, Юр?

– Сто первая.

Катя устремилась по коридору, стреляя глазами в дверные номера. Неуклюже поспевая, парни ринулись за ней. Из открытой сто первой двери светилась финишной чертой яркая полоска. Катя заглянула внутрь и вопросительно повернулась к Дусту. Палата была пуста.

Несколько мгновений они вдумчиво всматривались в смятую койку, скомканную подушку и рассыпанные всюду трубки от капельниц. На полу краснели полотенца. Тошнотворный студёный запах свинцом стоял в воздухе. Инсталляция напоминала похищение.

В конце коридора глухо запульсировали шаги. Все обернулись. К ним приближался усталый человек в белом халате. Совершенно лысая голова его ярко отражала свет коридорных ламп. Человек подошёл к троице, тяжело посмотрел на них и вошёл в палату. Достал из приборного шкафчика вафельное полотенце, вытер лицо. Затем обтёр блестящую голову и наконец произнёс:

– Градовы есть?

– Я Градова!

Человек вопросительно посмотрел на Гарика с Дустом.

– Бессонов... Игорь, – ответил Гарик.

Взгляд моргнул на Дуста.

– Дятлов Юрий.

Лысый человек удовлетворённо кивнул и жестом пригласил Катю пройти в палату. Прыгая глазами по белизне его халата, Катя вошла, и человек плотно закрыл дверь.

Она вышла через минуту. Будто боясь нарушить тишину, подошла к коридорному креслу и так же неслышно, осторожно опустилась в него. Лицо её замерло, беспокойство исчезло. Гарик с Дустом, вторя тишине, обступили Катю и присели рядом, заглядывая в глаза.

– Внезапно открылось кровотечение, – прошептала она, закрыла лицо ладонями, голова её упала на колени, и она разрыдалась.

На Градск убедительно напирала весна. Холода отступили раньше обычного, капель отбрызгала, наступала какашечно-плавательная пора. В такие дни горожане передвигались по улицам как сапёры.

Коты совокуплялись и щурились на солнце. Скелеты деревьев торчали панковскими «ёжиками». Жители, чертыхаясь на лужи и выбоины, сосредоточенно смотрели под ноги, продираясь на работу как Марио к принцессе.

Игорь Бессонов, молодой музыкант, носивший в городской рок-тусовке прозвище Бес, для всех прочих был просто Гариком. Он работал журналистом в главной газете Градска, писал о культурной жизни города и периодически проталкивал в печать статьи о местных музыкальных коллективах. Не забывая, разумеется, о саморекламе, публикуемой под псевдонимами.

Единственной страстью Гарика была музыка. Ей он жил, ей мыслил и всё свободное от сна и работы время посвящал написанию песен, бесконечным репетициям и выступлениям с Дустом и Костей. Втроем они носили имя «Боевой Стимул» и были единственной панк-группой в городе.

Жил Гарик один, в просторной квартире, доставшейся ему по наследству. Стены его комнаты были обклеены – как обоями – журнальными постерами. Между портретами Хэт-

филда, Кобейна, Кидиса и братьев Самойловых, встречались экзистенциальные ребята и революционная символика. Что же до Сартра с Че, к ним Гарик относился с уважением, граничащим с преклонением.

Отец его, Геннадий Андреевич Бессонов, ещё три года назад пользовался уважением в городе и был почётным его гражданином. Этого тощего, высокого интеллигента, в прошлом физика-ядерщика с целым возом регалий, патентов и наград, ценили за взвешенность и рассудительное спокойствие. Если кто-то когда-то и слышал, как Геннадий Андреевич повышает голос, то, видимо, хранил этот секрет, как Ельцин – тайну кодов ядерного чемоданчика.

Гарик часто слышал, что во всём, кроме характера, пошёл в отца. Но вся научно-техническая составляющая Бессонова-старшего обновилась в Бессонове-младшем до строго гуманитарной версии: Гарик не отличал синус от косинуса ровно так же, как его отец не различал ни минора, ни мажора.

Мать Гарика, Дарья Максимовна, все восьмидесятые заведовала продовольственным магазином.

Словом, жили хорошо.

«Хорошо» подошло к концу за неделю до совершеннолетия Гарика, когда Геннадий Андреевич зарезал спящую супругу прямо в постели любовника, оказавшегося по совместительству крупным сотрудником органов правопорядка.

Бессонова Г. А. немедленно поместили в камеру, где на следующий же день он скоропостижно скончался при невы-

ясненных, как водится, обстоятельствах.

Гарик остался один в квартире, где полтора месяца гонял чертей. Когда закончились деньги, он продал кое-что из родительской мебели – для поддержки штанов – и устроился в периодический «Градский рабочий», где по удачному стечению обстоятельств требовался молодой графоман, знакомый с щедедушным миром городской культуры – как формальной, так и наоборот.

Играя в единственной панк-группе города, Гарик всей душой, ежеминутно мечтая его покинуть, ненавидел Градск.

Небольшой городок под безымянным названием был окружён промышленной зоной и насчитывал не больше ста тысяч душ. Основанный после войны, молодой и развивающийся, он соблазнял перспективами советских людей даже с окраин империи. И они, тайно похоронив в душе идеи всеобщего социалистического равенства, полные упований, целыми семьями переезжали в Градск.

Кормился город за счёт бесчисленного множества химико-металлургических заводов, оцепивших его плотным кольцом. Тяжёлой промышленностью зарабатывала на жизнь добрая, но в силу вредности производства преждевременно из этой же жизни уходящая половина горожан.

Долгое время молодой город рос и крепнул, застраиваясь новыми микрорайонами, школами, кинотеатрами и дворцами культуры. Но к наступлению девяностых пришёл в запустение и помалу начал дичать. Вместе со страной. Кинотеат-

ры пустовали, телевизор рассказывал, что Марадона подсел на кокаин, «Технология» пела про кнопку и полчаса, а родители, помирая, оставляли детям треснутые стены хрущёвских двушек.

Денег не стало.

К середине девяностых безработица выдавила на улицы крыс и шакалов, запустив кривую криминальной статистики в космос. В 1995-м разбои и грабежи в Градске будничным явлением уже стали, убийства – становились. Наркотики – умеючи – можно было купить в ларьке, а рэкет и вовсе стал частью системы налогообложения.

Культурная жизнь меж тем бурлила. Распускаясь сочным бутоном, плюясь ядом на всё вокруг, животрепещущее тело искусства питалось кризисом – благодатнейшей и единственно возможной для себя почвой.

Атмосфера Градска середины девяностых падала на город проекцией Лондона середины семидесятых. Молодёжь чётко разделялась на гопников и неформалов. Причём ни у тех, ни у других не существовало возрастных рамок. Случались бабульки предсмертных лет, настойчиво требовавшие от человека в бандане внятного ответа на вопрос «Чё это у тебя на голове написано?». Ответ вроде «„Нирвана“, бабушка» старушек не удовлетворял, и они настойчиво дублировали вопрос. Такое внимание для каждого неформала Градска было неизбежной составляющей стояния в очередях, сидения в транспорте и вообще любого социального взаимодействия.

Неформальная среда, в свою очередь, состояла из музыкантов и тусовщиков. Все уважали и любили друг друга с искренностью Вудстока 1969-го. И пили одинаково много. Внутри альтернативной общины конфликты были явлением исключительным. Объяснялось это более чем скромной популяцией: вся тусовка сводилась к семи-восемью сотням человек.

Как в любой провинции, контркультура здесь варилась внутри самой себя и имела собственные традиции и легенды. В Градске были свои гении и авторитеты, полнота которых за пределами промышленно-заводского кольца нивелировалась до паспортных данных. Поэты, художники, музыканты и писатели за чертой города превращались в курьеров, продавцов, сторожей и уборщиков. Это был неизбежный канон.

Особым авторитетом в культурной среде города обладал 36-летний режиссёр-авангардист Марк Наумов. На заре перестройки он первым в Градске начал играть рок-музыку, а в 1989-м прославился на весь город, когда, в завершение торжественной церемонии принятия его в партию, вынул зажигалку и демонстративно сжёг партбилет. Жест этот, впрочем, не возымел серьёзных последствий – время жёстких реакций уже бесповоротно сгнуло – его просто уволили из театра.

В культурной тусовке авторитет высокого и сухощавого Наумова был общепризнан и непререкаем. С 1993-го года в Градске стали проводить рок-фестивали. Если какая-то группа не проходила отбор, достаточно было одного слова

Марка в поддержку музыкантов, и коллектив немедленно включался в список участников. Так произошло однажды с начинающей панк-группой «Боевой Стимул».

Летом 1994-го, когда панкам отказали в участии в фестивале «Альтернативная Коммуникация», омрачённый Гарик поделился своей позицией с Марком. Сводилась она к одностороннему «козлы». Наумов разгладил тонкие усы, набрал номер председателя оргкомитета и взгрел его как школьника: «Алло! Вахтёра будьте любезны! А-а-а, Миша, ты? А чего ты не внизу? Что почему? Ну, ты же вахтёр. Нет, Мишаня, ты – вахтёр. С синдромом вахтёра. У тебя фестиваль-то как называется? «Альтернативная Коммуникация» или «Административный Восторг»? По цензуре соскучился? По какой, по какой! По родной, советской! «Боевой Стимул» заявочку тебе присылали? Ага. А ты их слышал? Там в графе «стиль» – не блатняк ли значится? А? Повтори, я не расслышал. Вот именно! Хорошо. Совок ты, Миша. Бывай!» Тем же вечером Гарику позвонили и попросили не опаздывать на саундчек.

В свои тридцать шесть Марк не имел ни семьи, ни детей. Он был убеждён, что иметь потомство – естественная потребность лишь женщин, как продолжательниц рода. «Горящему инстинктом отцовства мужчине, – говорил Наумов, – больше просто нечего предложить миру, кроме собственного семени. Единственной страстью настоящего мужика должно быть его дело. Только ему он должен отдаваться, без отвлечений на биологические псевдопотребности, навязан-

ные природой. Не звери чай». «А если отцовство и есть его призвание?» – спрашивал Гарик. «Тогда всё, тупик. Продолжатели человеческого рода никогда не будут двигать мир вперёд. Союз двух родопродолжателей – это либо мгновенная деградация, либо топтание на месте и деградация постепенная. На месте стоять не получится. Жизнь – как ледяная горка. Либо взбираешься на неё, либо вниз катишься. На месте замрёшь – всё равно вниз соскальзываешь. Если все станут рожать и никто не будет развивать, то однажды мы все снова проснёмся обезьянами. Моргнуть не успеем, как ещё и хвост вылезет».

В те годы для неформалов Градска источником информации о новых музыкальных явлениях служила «Программа „А“». Это была единственная нить, связывающая периферийных альтернативщиков, гранжеров, панков и металлистов в единую субкультуру.

Единственный в городе магазин рок-атрибутики носил название «Taboo». Там приобреталось всё: от заклёпок до косяков. Там же, практически по закупочной цене, можно было разжиться CD-дисками и кассетами с музыкальными новинками. Владелец магазина был здоровенным бородатым мужиком чуть за тридцать. Он всегда молчал, беспрерывно улыбался, поблёскивая золотой коронкой во рту, и круглый год носил тёмные очки, как рулевой «МузОбоза». Никто не знал и не выказывал особенного живого интереса к его имени, и все звали Зи-Зи-Топом – это шло ему больше прочего.

Зи-Зи-Топу это нравилось, и он благодушно сверкал зубом. Бывший афганец, он пользовался в неформальной среде не просто уважением, а едва ли не сыновьей любовью – молодёжь общалась с ним участливо, с какой-то трогательной бережностью.

Для неформального Градска «Программа „А“» и «Табоо» были необходимой отдушиной, некой системой поддержания и постоянного обновления микроклимата. Среди этой изоляции Марк Наумов был единственным в тусовке человеком, год прожившим в Петербурге, куда по старой памяти и благодаря таинственному невскому магнетизму ежегодно наведывался.

Он уехал туда сразу после увольнения из театра, в 1989-м, и сумел обосноваться в сквоте на Лиговке, который позже стал «Пушкинской, 10». До лета 1990-го перебивался с хлеба на пиво, а в августе, глядя на похороны Цоя, в зелени Богословского кладбища, решил, что пришла пора возвращаться на малую родину.

В родном пепелище тридцатилетний Наумов сразу стал культовой фигурой и легендой для подрастающего поколения грядущих контркультур.

Жил Марк один. По выходным дописывал романы Кафки, а по будням учительствовал и рок-н-рольствовал. Он основал на базе одной из средних школ студию актёрского мастерства и три раза в неделю обтёсывал малолетних буратин в поисках самородков. В эту студию однажды и заглянул де-

вятикласник Игорь Бессонов. Уже на следующий вечер они сидели у Марка на кухне, пили спирт с колой, чадили «Примой» и обсуждали план совместного акустического сейшна.

Выйдя из облезлого здания больницы, Гарик взгляделся в небо цвета вспыхнувшего спирта, и желание выпить на мгновение придушило все его мысли. Следом спустились Катя и Дуст. От раскрасневшихся прекрасных глаз струились тонкие стиксы туши.

Паршивец Дуст вызвался проводить.

Гарик у захотелось взять её руку, сказать что-то настоящее, подходящее и окутывающее. Но получилось прощально кивнуть. Не двигая взгляда, мягко и будто на цыпочках Катя потерянно поплыла в сторону остановки. Дуст поспешно козырнул и хищно устремился следом. Ревниво проводив парочку взглядом, Гарик мысленно обругал себя и двинулся в сторону магазина с длинной вывеской «Пивоводкавиносигареты». Выйдя оттуда с пакетом в руках, он зазвенел к Наумову.

Марк оказался дома.

– О, привет! Проходи.

Он бросил одобрителный прищур на звякнувший пакет и, хлопнув за Гариком дверью, скрылся в кухне. Гость скинул кеды и протиснулся в комнату, загромождённую стеллажами с книгами и пёстро-разноцветным винилом. У окна смотрели друг на друга два засиженных до впадин кресла с журнальным столиком между. На стене метрономом посту-

кивали единственные в квартире часы. В углу нелепо громоздился одинокий диван с коричневым комком пледа. Пахло портвейном.

Гарик тяжело рухнул в кресло, попутно вытягивая из пакета янтарную бутылку. Следом в комнате возник Наумов со стаканами в одной руке и тремя плавлеными сырками в другой. Устроившись напротив Гарика, он разложил содержимое рук на столе.

Звонко откупорив ножом пластмассовую пробку, Гарик музыкально набулькал портвейн в стаканы, доливая до краёв. Марк разворачивал сырки и заинтригованно наблюдал, перемещая взгляд с подрагивающих рук на напряжённое лицо – и обратно.

Они подняли гранённые, и Гарик замер. Наумов не потянулся чокаться, хотя делал это всегда. Он, щурясь, вчитывался в хмурость, пытаясь угадать, что именно последует. И не угадал.

– Час назад Костя умер. Убили.

Лицо Марка не изменилось. Он опустил глаза, медленно осушил стакан и, туго поморщившись, устремил на Гарика ждущий деталей взгляд.

– Гопники подрезали. Ночью. У «Поиска». Возле сквера, – дозировал тот. – Умер сегодня. В первой.

В бóльших подробностях не было нужды. Наумов поднялся, подошёл к окну и задумчиво изрёк:

– А мне казалось, что уже кончилось. Принимаете эста-

фету, значит...

В одно движение влив в себя портвейн, Гарик зажмурился, громко шмыгнув носом и вынул из косухи сигареты.

Эту косуху, протёртую стенами питерских сквотов и обезьянников, пару лет назад подарил ему Марк. Этаким самурайский артефакт, переходящий наследием из рук в руки; символ величия духа и воли к победе над всяческими варварами.

Наумов вернулся в кресло.

– Награммь ещё.

Гарик награммил. Синхронно и слаженно, как ритм-секция, они заглотили сладко-кислую жидкость. Портвейн, как и в первый раз, вошёл словно в сухую почву. Руки потянулись к сыркам, чиркнули зажигалки, заструился дым.

Наумов снова встал и ностальгически всмотрелся в окно, чутко занюхивая алкоголь весной, сочившейся из форточки.

– Знаешь, что в памяти всплывает?

– Что?

Марк задумчиво пустил кольца.

– Четыре года назад, в 92-м... Помнишь, когда на День города «Кар-Мэн» с Титомиром привозили?

Гарик кивнул, он там был.

– Ну вот. После концерта на площади народ ещё бухал и под магнитофоны танцевал. Питона нашего тогда иномарка сбила. Кишки по всей площади раскидало.

– Да, помню. Тогда весь город гудел. Там за рулём, кажет-

ся, то ли внук, то ли племянник какого-то мента был, бухой.

– Не внук, а зять. Да. Когда народ – как сейчас помню – под «Багдад» отплясывал, Питона на углу площади... И, заметь, если помнишь, номер тогда от бампера отлетел – все видели. А в протоколах потом ни слова об этом не было. Ты прикинь: сбить по синей дыне человека, оставить номер на площади перед толпой людей и смыться – без последствий. Вот так.

Лёху Питона, друга Наумова, Гарик знал на уровне «привет-привет». Питон носил кожаные штаны, мог без потерь отстроить на «Карате» хоть «Пинк Флойд» и был золотыми – как его называли – ушами Градска. Он рулил звуком на всех крупных городских площадках: от ярмарок до концертов всесоюзных звёзд, которые с наступлением девяностых стали приезжать на периферию отечества в таком количестве, что публика со временем начинала путаться в персонажах, коими пестрели нескончаемые «Комбинации», «Ласковые май» и «Миражи».

Рассказывали даже историю о том, как однажды в Градск занесло Владимира Кузьмина. Все городские старорокеры самозабвенно конвульсировали у сцены вместе с молодыми панками под «California Rain». Кузьмин тогда сам иступлённо свирепствовал на сцене чуть не до обморока и от звука был в нескрываемом экстазе. За звукорежиссёрским пультом сидел Питон.

Свидетели расписывали в красках, как после выступления

Кузьмин подошёл к своему концертному звукарю, похлёбывающему виски со льдом, с размаху хлестанул его по рукам, выбив стакан, и пролаял: «Ты, говнарь! Почему у меня в каком-то засранске звук круче, чем в Москве?! Уволен!».

Никто сейчас уже не доищется, насколько этот фельетон сочетался с правдой, но весь музыкально ориентированный Градск знал, что к Лёхе Питону приезжали сводиться москвичи, писавшиеся на «Мосфильме». И записи эти потом отрывали с руками ведущие радиостанции столицы, проталкивая их в эфир в прайм-тайм.

И вот в середине 1992-го года, после выступления Лемоха и «Высокой энергии», Лёха вышел с площади и направился в сторону дома. В этот момент его сбила серая «Ауди», скрывшаяся через мгновение в регулярно неосвещаемых улицах. Свидетели заметили искорёженный номерной знак на асфальте и блестящую кокарду за задним стеклом уносящегося в темноту авто. В Градске тех лет милицеская фуражка в автомобиле была сродни «синему ведёрку» десяток лет спустя – индульгенцией на свободу действий и символом кастовой неприкосновенности.

Наумов сосредоточенно вмял сигарету в пепельницу на подоконнике и вполголоса пробурчал:

– Да, вот так. Кто-то проживает долгую, кто-то – счастливую жизнь.

Помолчал, глядя в полуденное небо, и добавил:

– Похороним сами. Семье сейчас тяжело.

Хоронили на пятый день. Сразу за матерью и сестрой угрюмо вышагивал Вентиль с венком «От друзей». В руках у Дуста лаконично шуршал веночек с надписью «Боевой Стимул». Туго сдерживая слёзы, рядом с Дустом шёл Гарик и тщетно ловил Катин взгляд. Полторы дюжины человек брели следом, старательно скорбя лицами. Всматриваясь в них, Гарику становилось нестерпимо мерзко.

Вдумываясь в идущую за гробом Катю, он поэтизировал себе её настоящее: «Запахи, цвета и звуки смешиваются в густой гул и вязнут в пространстве, сцепляясь в гнетущую какофонию. *Катя...* Изредка проясняющееся сознание окатывает холодной испариной, и по едва высохшим тропинкам на щеках новые слёзы беззвучным водопадом катятся из глаз, будто слетают краны. Катятся... Градом... *Катя... Градова...* Потом в горло возвращается ком, пространство сгущается, отключая запахи, цвета и звуки. *Катерина...* Вселенная превращается в скорбь. И так – до следующего прояснения. Наверное, так срабатывает механизм, охраняющий психику от расстройства: кто-то нажимает кнопку, предохраняя сознание от распада. *Катюша...* А когда под напором предохранитель сгорает, *Катенька...* разум остаётся в потусторонности, без возможности возвращения... *Больно. Боже, как тебе...*»

Когда первые комья земли застучали по дереву, Гарик наконец встретил глаза Катерины. Никогда не видел он глаз чище. Он смотрел в её слёзы и хотел захлебнуться в них – вме-

сте с ней. Сердце его сжалось судорогой, и чьи-то крепкие руки сдавили горло. Он не сдержался и ощутил, как горячие струи рассекают лицо. Сейчас Катя жила в нём, и Гарикпил её скорбь, принимая в себя мегатонны разрывающей боли. В эти секунды он прожил с ней всю жизнь и лёг с ней в один гроб.

Они не сказали друг другу ни слова.

После погребения, когда первая половина скорбящих отбыла по своим делам, а вторая поехала к родным на поминки, Гарик и Дуст расположились на скамейке у свежей, рыхлой – горкой – могилы. Дуст вынул початого «Смирнова», Гарик – пластиковые стаканчики. Они молча налили и повернули головы к надписи «Константин Сергеевич Градов. 20.02.1976 – 13.03.1996», налили третью, поставили её на медную пластину в основании памятника и, не чокаясь, выпили, занюхав сигаретами. Закурили и молчали, пока угольки не начали обжигать пальцы.

– Нет у нас больше драммера, Бес – изрёк наконец Дуст. – Одни драмы остались.

Гарик бледно покивал, передёрнул дохлыми плечами и потянулся за бутылкой. Налил ещё по одной.

– А я всё прокручиваю в памяти, пытаюсь вспомнить эти лысые рыла гондонов этих. И, прикинь, понимаю, что ни одного бы не узнал сейчас, если бы встретил. Это в нашей-то деревне, где мы это... может, в одном магазине сталкиваемся каждый день.

Гарик снова кивнул, как-то безысходно. Выпили.

– Да хрен с нами! – вскинулся Дуст. – Катюху жалко!

Помолчал и прибавил:

– Мать жалко.

Гарик кивнул в третий раз, достал сигарету и начал за чем-то разминать, вцепившись в неё как в гриф в разгаре сейшна.

– Дуст, – произнёс он несвойственным ему, с претензией, голосом. – А ты Кате-то на хрена сказал, что меня там не было?

Дуст нахмурил брови и повернул к Гарику искусственно недоумевающее лицо. Во взгляде того ясно читалось: «Только дурака не включай, ладно?».

– А что, врать надо было? – Он всё-таки включил дурака.

– Врать-то не надо, но и говорить было не обязательно. Совсем не обязательно.

Глаза басиста маслено расплылись.

– Чё, запал, что ли? – усмехнулся он. – На Катюху-то? Ну да, это я понимаю. Катька клёвая. Я бы сам это... Ну, удивился бы... если бы тебя не проняло.

Он фальшиво кашлянул в кулак.

Гарик громко выдохнул и налил по последней. Выпив, поднялся со скамейки и достал две сигареты. Дуст потянулся рукой, но Гарик отстранился, подошёл к могиле и положил сигареты у памятника, рядом со стопкой. Повернулся к Дусту, тяжело посмотрел и выдавил, словно гной из раны:

– Я без Костяна играть не буду.

И пошёл прочь.

По природе Гарик был молчуном, много слушал и мало говорил. Всё меняла сцена. Его дисторшн растерзывал зал, а голос, словно вывернутая наизнанку мантра, с кровью вырывала из публики унисоновые вопли. Но стоило умереть последнему звуку, как Бес покидал Гарика, и он тихо произносил в микрофон: «Спасибо большое». После чего до конца сейшна сидел с парочкой приятелей за миниатюрным столиком в углу зала. Потягивал бесплатную «троечку» – так администрация клуба расплачивалась с музыкантами – и равнодушно взирал на товарищей по грифу, безумствовавших на сцене.

Любые зачатки личного счастья искоренялись им немедленно – в утробе. Едва на горизонте начинала маячить хрупкая женская фигура с претензией на его – Гарика – личное пространство, он проявлял самого же изумляющую сдержанность и с выражением безразличия на лице вдавливал обратно в себя это рвущееся на Свет Божий мелкое голозадое существо с луком и целым колчаном отравленных стрел промеж крыльев. Затем немедленно уходил в двухнедельный запой. По возвращении чувствовал себя препогано, но понимал, что жить можно. И снова – «вечная весна в одиночной камере».

В десятом классе он водил дружбу с прыщавым отличником. Экзотичный союз нелюдимого панка и зализанного бо-

танیکا зиждился на любви к двум вещам: группе «Nirvana» и прелестной молодой особе из выпускного класса. Гарик даже научил очкарика играть несколько песен, что тотчас вылилось в буйную страсть ботана: он драл струны часами, вероятно, ради отвлечения от мыслей о любви первостепенной. Но это не сработало: когда девушка, получив аттестат, упорхнула из Градска в столичный вуз, ботаник в тот же вечер, нацарапав записку с соответствующими объяснениями, повесился на ремне от гитары. Именно это обстоятельство заложило в мозг Гарика алгоритм, который мыслился им самым как защитный. «И кто из нас двоих после этого панк?» – разочарованно думал он. И вспоминал слова одного безупречного блондина о том, что жизнь – это очередь за смертью, но некоторые лезут без очереди.

События последних дней что-то изменили. Гарик пил под «Nevermind» и силился согнать в одну мысль обрывки смутных предчувствий и желаний. Он казался себе младенцем, плывущим за долларом, – вот-вот должно случиться что-то, что переломит линию его жизни, и, независимо от него самого, он скоро будет значить нечто большее, качественно другое, нежели значит теперь.

Спать не получалось. А в те редкие часы, когда сон наваливался, ему снилась цветущая сирень, розовые волосы, весна и лёгкость; снилось тепло и психоделические абстракции. Префронтальная кора мозга отчаянно безумствовала. Не спалось, не сиделось и не стоялось. Алкоголь не помогал

— лишь загонял в совершенно левое состояние, при котором чесались глаза и учащался пульс.

Промучившись так три дня, Гарик наконец начал улавливать смутное понимание происходящего. Оно вкрадывалось в иссушенный мозг как змей в мышиную нору. Вскоре он уже ясно знал, чего хочет, но, решив не торопить движения духа, впервые отдался свободному течению событий, предчувствуя, что в самом скором времени всё разрешится, желания воплотятся и всё само собой нормализуется и прояснится. В этом предчувствии на четвёртые сутки он наконец крепко заснул.

Было решено устроить концерт памяти Кости. Поминальные сейшны не были редкостью в Градске, обычно их проводили на девять дней.

Концерты-поминки всегда происходили в формате «unplugged», без электричества. Ограничивались парой акустических гитар, шейкером с бубном и каким-нибудь колоритом вроде флейты или скрипки.

Электрический свет заменяли свечи. Священность действия подчёркивалась отсутствием усилителей и присутствием только самых близких виновнику торжества людей.

22-го марта 1996-го года на сцену клуба «Поиск» – оплота альтернативной культуры Градска – вышла группа «Боевой Стимул». У микрофона возник Бес. Тесный зал «Поиска», насчитывающий около полусотни человек, оборвал шушуканье и всецело обратился к ним. Бес снял микрофон со стойки, пристально всмотрелся в тёмный зал, будто выискивая кого-то, и рассеянным голосом начал:

– Здравствуйте всем. Сегодня здесь не будет праздника. Вряд ли нужно ещё раз озвучивать то, что за последние дни мы повторили неоднократно – и друг другу, и Косте. Добавлю только: от нас ушёл не музыкант. Мы погребли символ. Ещё один шрам...

Гарик прервался: ему показалось, будто в зале промельк-

нуло что-то ярко-розовое, и он взволнованно взгляделся в воздух, пытаясь различить лица в полумраке. На мгновение задумался и вдруг повысил тон:

– Рок-н-ролл – не созидание. Это разрушение. Ежемесячное выбрасывание годовой энергии. И это неизбежно ведёт к тому, что жизнь будет прожита очень скоро.

Он вернул микрофон на стойку, взял гитару и опустил-ся на стул для барабанной установки. Обменялся кивками с Дустом, сидевшим рядом с акустическим басом, и произнёс:

– Сейчас состоится последний концерт группы «Боевой Стимул». Вернее, того, что от неё осталось. Старых рок-н-ролльщиков не бывает, как не бывает бывших наркоманов. Костя не мог состариться – по определению. И не состарится уже никогда. Ему не больно. А мы...

Гарик оборвался, в задумчивости опустил голову и прошептал, по-бутусовски целуя микрофон:

– Шрамы чешутся всю жизнь.

И ударил по струнам.

Играли больше часа: «Никто Не Хотел Умирать», «Вершки и Корешки», «Время Колокольчиков», шевчуковские «Дороги»... Много чего поминального прозвучало в тёмном зале с расставленными по периметру свечами. Люди блестя глазами и ловили слова. Бес и Дуст играли без пауз, на одной тональности, точно вычитывая молитву за молитвой. Закончили любимой песней Кости: «Where Did You Sleep Last Night?», и на этом всё кончилось – вместе с историей

«Боевого Стимула».

Больше никто из музыкантов Градска не посчитал себя вправе играть в этот день.

Бес поблагодарил публику обычным «спасибо большое», пожал руку Дусту, который немедленно отправился продолжать поминки с металлистами, пьющими в глубине зала, и вышел из «Поиска».

Было почти по-майски тепло – необычный вечер для марта северного города. Несколько неформалов из числа зрителей кучковались у входа, смеялись и курили. Гарик тоже затянулся, посмотрел на звёзды и выдохнул дым вместе с паром в Большую Медведицу. Дунул ветер, и с ним до Гарика донёлся мягкий запах сирени. Он вновь ощутил то самое, что мешает спать, и в надежде обернулся.

– Привет.

Катя блеснула зелёными глазами. В них прыгало волнение.

– Привет, – порозовел Гарик.

– Ты уже уходишь?

– Нет-нет, – торопливо заоправдывался он, – пойдём.

Они вернулись в туманную тусклость клуба, уже работавшего в режиме бара. Неоновый свет призывал доверительно шептать. В зале ненавязывался – в честь трёхлетия со дня выпуска – «Songs of Faith and Devotion».

Гарик высмотрел у стены в конце зала глухой столик, ограждённый от остального пространства стойкой, плотно завешенной кожно-железными экипировками металлистов,

и помог Кате раздеться. Она приняла жест и уселась за столик, изучающе поглядывая на Гарика. Он же, едва опустившись на стул, тотчас растерянно подорвался и улыбнулся в сторону бара, смущённо избегая смотреть на Катю. Сделав пару шагов, развернулся и торопливо стал уточнять: кофе, пиво или чай. Вертясь на стуле и поправляя волосы, она ответила, что ей всё равно, и, исчезнув меньше чем на минуту, Гарик, естественно, вернулся с пивом. Торжественно водрузив бокалы на стол, он принял наконец сидячую позу.

Торжественность его личного момента диссонировала с пониманием того, чья сестра сидит напротив. Ещё больше этот диссонанс усугублялся поводом, по которому они вообще здесь оказались. Катя не позволила дойти его состоянию до степени мучительного и первая протянула бокал:

– За знакомство.

– Да, – громко согласился Гарик и мысленно проликовал.

Они поднесли бокалы к губам и стали медленно отпивать, делая микроскопические глотки. Он напряжённо искал, что говорить дальше, – она в ожидании затягивала паузу. Наконец бокалы коснулись стола, и Гарик чуть не издал отрывку – в голос. Сумев вовремя собраться и подавить звук, он хлопком прижал ладонь ко рту и, окончательно выбившись из равновесия, панически посмотрел на Катю взмокшими от усилия глазами. Девушка звонко рассмеялась, умилённо посмотрела на него, наклонив голову, и положила улыбку на ладонь. Гарик расслабленно выдохнул и подавил смешок.

– Давно ты здесь? Я тебя не заметил.

– С начала. Я вошла, когда ты говорил.

Она убрала за ухо наглуую розовую прядь.

– Ты же раньше тут не была?

Катя помотала головой и ностальгически улыбнулась:

– Костик говорил, мне здесь делать нечего.

– Косте самому тут было не место, – кивнул Гарик. – Хотя все его здесь любили.

Они медленно отпили по глотку.

– А почему тебя Гариком зовут? Ты ведь Игорь.

Ей действительно было интересно. Гарик улыбнулся:

– Что за Игорь не называет себя Егором. Не знаю, мне так больше нравится. А у тебя...

– О! Катюха! – вырос перед ними Дуст.

Он уже изрядно набрался с металлюгами, которые всегда пили вёдрами, и – только водку. Дуст почему-то считал делом чести пить наравне с любым собутыльником, даже если тот троекратно превосходил его в размерах. Рывкнул он так, что девушка вздрогнула.

– А я поссать пошёл, – важно сообщил он.

Катя переметнула недоумение с Дуста на Гарика и легко позвенела пальцами по верху бокала.

– Шёл, так иди, – огрызнулся Гарик.

– С-слушай, Бес, – облокотился ему на плечо Дуст. – Ты же Паука помнишь? Ну, вон тот, патлатый!

Он выбросил палец в сторону волосатых металлистов.

– Ну, вон же, блин! Справа! Это... слева то есть. С нашивкой «Коррозии». Он, короче, ищет... куда бы типа на барабаны приткнуться. Я его к нам позвал. У него установка своя, прикинь! Кардан, железо, кухня – все дела, а? Зверь! Я ему сказал, что ты это... не против.

Дуст рыгнул ему в ухо.

– Блин, иди куда шёл! – отпихнул его Гарик.

– Ну ты чё? – изумился докопыш и уставился на него плавающими зрачками. – Я те отвечаю, реальный чувак!

Тут Гарик так вспыхнул на него глазами, что Дуст стушевался:

– Ну, ладно, ладно. Чё ты. Но ты подумай, слышь!

Он был похож на маятник.

– А я пойду. Глистов бояться – срать не ходить, – зачем-то добавил панк и, шатаясь, скрылся в направлении выхода.

Катя проводила его изумлённо-брезгливым взглядом.

– А я его таким никогда не видела.

– Это совсем не предел, – заверил Гарик.

– Поэтому Костя меня в вашу тусовку не таскал?

– И поэтому тоже. Хотя такое обычно бывает только к концу сейшна и не со всеми.

Он всмотрелся в компанию металлистов.

– Вон тот.

Катя обернулась.

– Видишь? Крест на шее перевёрнутый. Бандана с пентаграммами.

– Вижу.

– Шекспира переводит. В «Юности» печатали.

– Ну да?

– Ага. А вон с ним рядом, который наливает сейчас, – второе высшее получает.

Катя красиво приподняла бровь.

– А остальные?

– Про них точно не знаю, но вон тот бородатый, на байкере похожий, в прошлом году первый в городе питомник для бездомных собак организовал. Это Зи-Зи-Топ. Он коммерсант, за этим столом сейчас все за его счёт пьют. Директор «Поиска» – его сослуживец бывший. По Афгану.

Катя пристально всмотрелась в Зи-Зи-Топу и уважительно покивала. Но тут же развернулась, чуть подпрыгнув:

– Ну а ты?

– А мне просто хорошо.

– Всегда?

Она намотала розовую прядь на пальцы.

– Сейчас – как никогда! – осмелел Гарик.

Девушка залилась румянцем и смущённо отвела глаза.

– Пивка ещё принести?

Катя посмотрела на часы и виновато поджала губы.

– Нет. К сожалению, уже пора.

– Ничего, – бодро изрёк Гарик и залпом опрокинул в себя последний глоток.

Он вышел из-за стола и подал девушке куртку. Оказав-

шись почти вплотную к нему, Катя долго целилась в рукава, и, когда справилась, Гарик задержал на её плечах руки. Она застыла и повернулась к нему щекой. От её лица исходил жар. Мягкие волосы щекотали кончик его носа. Он вдохнул их запах полной грудью и опьянел. И сжался внутри в тёплый комок. Они стояли так с минуту.

– Пошли? – шепнула она так нежно, что Гарика окатило лёгкой дрожью.

Они вышли на улицу, и, робко прижимаясь, Катя взяла Гарика под руку.

Пятничный вечер в Градске отличался безлюдными улицами. Обычно жители не рисковали выходить из дома позже десяти часов, даже независимо от времени года. Общественная жизнь в городе шла по расписанию. Добропорядочные граждане наслаждались ей исключительно в рабочее время. С позднего же вечера и до утра Градск целиком поступал в распоряжение тех, кто игнорировал всякие нормы – от этических до правовых. Ночью даже блюстители правопорядка нередко оказывались в их числе.

Парочка шла медленно, молча и улыбаясь. Они дышали весной и ощущением друг друга. Обвив пылающую ладонь Гарика холодными пальцами, Катя спрятала их руки в тёплый карман своей куртки. Гарик ловил мгновения, и каждое ощущение было для него открытием. Девушка осторожно скользила пальцами в его ладони, и волнительнее этого для него не было ничего.

Вдруг, как будильник, в нескольких метрах взвизгнули тормоза. Обернувшись, Гарик увидел, как невдалеке при-
ткнулась к обочине грязная «восьмёрка» и из неё выгреб-
лись трое крепких, бритых парней в кожаных куртках. Судя
по координации, братки были на хорошем стекане. Громко
улюлюкая, они по синусоидам уверенно двигались к пароч-
ке. У Гарика похолодела спина. Он обхватил Катины плечи
и пролязгал ей в ухо: «Катя! Бегом назад!» Она вскинула на
него испуганный взгляд, но тут он рявкнул ей в лицо: «Бе-
гом!» Резко развернул её и подтолкнул в сторону клуба. Ка-
тя бросилась бежать. Сиплый голос гаркнул: «Тёлку лови!»
Один из бритых кинулся за ней. Гарик рванул в его сторо-
ну, прыгнул сзади и повалился вместе с громилой в снежную
грязь. Тут же на удивление ловко отпружинил от земли и что
есть мочи пустился вслед за Катей. «Ах ты, сука!» – донес-
лось сзади. Он оглянулся на бегу – нагоняли все трое – и по-
пытался прибавить ход. Впереди Катя уже врывается в две-
ри клуба. Гарик пробежал ещё с десятков метров и получил
толчок в спину. Пролетев несколько метров, он свалился на
землю, и через секунду, словно разряд тока, его позвоноч-
ник пронзила боль – от шеи до поясницы. Взревев, он изо-
гнулся и тут же получил по рёбрам – «Падла!». Гарик издал
рычащий хрип, скрючился, прижал колени к груди и закрыл
голову руками. Поругались удары – по спине, по почкам,
по ногам, по рукам. «На, сука!» – один прилетел в затылок.
И в этот момент из дверей клуба вылетели пятеро человек

с велосипедными цепями и самодельными битами. Пинки прекратились, и, теряя сознание, Гарик слышал взвизгивающие крики, крепкий мат и металлический лязг. Затихая, они уходили всё дальше и в конце концов пропали.

Тусклый и узкий коридор тянулся всего на несколько шагов, завершаясь приоткрытой дверью из полусгнившего дерева. На двери тускнело какое-то слово. В воздухе не было ни запахов, ни звуков – только давление. В груди теснило. Мучительное отвращение – не к конкретному, а к своему существу, – сквозило в голове, пропитываемой серыми соками, и тысячами короедов грызло мозг. Нестерпимое до крика, оно, въедаясь, обволакивало изнутри. Гарику захотелось взвыть, но едкий сгусток подступил к горлу, и он сморщился, подавив приступ тошноты. Не слыша шагов, приблизился к надписи и отчётливо различил буквы: «JPS». Перекошенная дверь свисала с петель. Он осторожно отворил её.

В грязно-сером свете, в пространстве без пола и стен сидел в плетёном кресле человек. Закинув ногу на ногу, он увлечённо писал в блокноте французские слова. На гладко выбритом лице блестели очки. Серый костюм омерзительно сливался с грязным фоном, провоцируя повторный тошнотный приступ. Гарик в муке искажил лицо и хрипло выдавил, вглядываясь в серое лицо:

– Я умер? – и изумился непохожести собственного голоса.

– А тебе разве хорошо? – отозвался, не прекращая писать, человек.

Гарик ощутил, как грязный свет, шипя, впитывается в

его кожу и разливается внутри. Серость, будто просачиваясь через поры, вытесняла нутро, заполняя вакуум собой и, растворяя цельность существа, выводила его в грязно-серое пространство. Стало ещё омерзительнее. Гарик сморщился:

– Какой вопрос – правильный?

– Вот это – правильный вопрос.

Человек поднял взгляд и прищурился сквозь блестящие стёкла. Тошнота сменилась приступом подкашивающего страха. Ноги обмякли, и Гарик рухнул в очутившееся под ним – такое же, как под серым человеком, – плетёное кресло и в панике замотал головой во все стороны.

– Тебе что, страшно?

– Страшно... Тошно, – просипел он, подавляя поднимающийся к кадыку сгусток.

– Ты не в силах сопротивляться, потому что не знаешь, на чём стоит твой страх. Это он тебя изводит. Он – везде. Даже ты сам – не ты, а часть твоего собственного страха. Теперь тебе предстоит выбрать.

Гарик скривился и ощутил на лбу испарину.

– Что выбрать?

– А что все выбирают.

– И что выбирают все?

Он крикнул от накатывающей ломки.

– Элементарно: любовь или свобода.

Гарик разразился приступом смеха, но короеды тотчас впились в мозг и сердце – единомоментно. Он вскрикнул,

хватаясь за грудь, и задержал дыхание. Когда боль отступила, бросил исподлобья взгляд на человека и с опаской произнёс:

– А нельзя и то, и то?

Француз дружелюбно улыбнулся:

– Одиночество понуждает к смеху. Не получится, дружок.

Они не могут квартировать в тебе одновременно. Место есть только для одного.

– Почему это?

– Потому что для того, чтобы обладать и любовью, и свободой, нужно быть *над* человеком. А ты, увы, сам – человек. Более того, для тебя вопрос и вовсе стоит иначе.

– Как?

– Свобода или несвобода.

– Ладно, – скукожился Гарик, – тогда первое.

– Ладно. Тогда без любви.

– Почему?

Он переставал понимать.

– Могу тебя успокоить: такой выбор есть только у мужчин.

– Спасибо! А не мужчины?

– А не мужчины, включая женщин, выбирают либо любовь, либо нелюбовь.

– Это как?

– Ты встретил женщину. *Твою* женщину. Вот в этом вопросе тебе и выбирать: любить и не быть свободным. Или...

Человек отвлёкся и записал что-то в блокнот.

– Или наоборот?

– Да, или наоборот.

– За что такая честь? Почему такое исключение?

– Потому что для тебя любовь – рабство.

Гарик ощутил электрический удар. Вывалившись из кресла, он свернулся в позу эмбриона и застонал. Человек говорил спокойно и размеренно, но теперь голос его гремел в голове так, что, казалось, в следующую секунду она взорвётся.

– Неп... равда... – прокряхтел Гарик сквозь стон, но его будто не слышали, и голос продолжал:

– Женщинам не нужна свобода, поэтому они выбирают между любовью и нелюбовью. Мужчины без любви – выбирают как ты. Всё честно. Делай выбор. Или твой страх выберет за тебя.

Вспышка света ослепила. Гарик задержал дыхание и зажмурился. Боль прекратилась. Он ощутил себя невесомым, словно в космической утробе, и перед ним кружились две огромные зелёные планеты. Они светились и переливались всеми оттенками, будто северное сияние. Оторваться от этого великолепия было невозможно. Тошнота вмиг отступила, короеды отвращения покинули мозг. Голова закружилась, он ощутил на горячем лбу влажное прикосновение и открыл глаза.

– Игорь!

Катя встревоженно ловила его бегущий взгляд, обтирая мокрым полотенцем пылающее лицо.

– Как ты? Как ты себя чувствуешь?

Гарик, почти не касаясь, провёл рукой по её волосам и слабо улыбнулся:

– У тебя глаза как планеты.

Катя просияла и припала к нему губами. Гарик попытался её обнять, но в боку стрельнуло, и он больно прикусил язык. Оторвавшись от него, Катя быстро зашептала:

– Сейчас, мой хороший, сейчас. Скорая уже едет.

Тут Гарик осознал, что лежит на полу «Поиска». За склонившейся над ним Катей озабоченно икали волосатые, подпитые металлисты. Они участливо вглядывались в него, внимательно наблюдая за происходящим. Стоящий тут же и почти протрезвевший, Дуст радостно расплылся:

– Ну чё, подфартило тебе, братан. Ха! Тебя это... без пульса сюда втащили. Если б не Катюха, то...

Он издал губами неприличный звук.

– Это она типа запустила своё... это... мятущееся сердце, ага.

Гарик непонимающе всмотрелся в Катерину. Она устало улыбалась и гладила его голову прохладной ладонью. Снаружи донёсся вой сирены. «Неотложка!» – вскрикнула Катя и ринулась к дверям.

Врач заверил, что переломов и повреждений внутренних органов нет, а вот остановка сердца – это серьёзно и обследоваться всё-таки надо. Присутствующие выдохнули и одобрительно замычали, кивая патлатыми гривами. Зи-Зи-Топ, поблёскивая зубом, вручил доктору бутылку виски. Металли-

сты, радостно звеня цепями, загрузили Гарика с Катей в машину и, вдохновлённые явленным чудом, вернулись за столы – отмечать восстание из мёртвых.

Всё обошлось. Из больницы Катя забрала Гарика к себе и сама выходила его за две недели. После похорон Кости их мать до осени отбыла в деревню, к Катиной бабушке, и круглые сутки парочка была предоставлена самой себе.

Гарик активно шёл на поправку. Каждое утро, убегая на пары, Катя оставляла ему на кухне завтрак с обедом, расписывала ЦУ по приёму препаратов, аккуратно раскладывая записки на столике у кровати, звонко целовала и упархивала в институт, светясь как тысяча майских солнц.

Вдохнув в Гарика жизнь – во всех возможных смыслах, – Катя продолжала изо дня в день оживлять каждую клетку его задыхавшегося существа. Словно смертельно отошавший и обезвоженный, он без памяти припадал к ней дрожащим зверем и жадно пил, воскрешаясь и наполняясь. Глоток за глотком крепло в нём понимание счастливой неизбежности.

Он покрывал поцелуями каждый сантиметр Катиной кожи – бархатной, с ароматом сирени. Упивался её свежестью и не мог насытиться. Её податливое тело приводило Гарика в свирепый восторг и бесповоротно лишало прокачанных годами кротости, терпения и выдержки. Каждый раз, отрываясь от неё, он не успевал выкурить и половины сигареты, как из глубины вырастала, вихрем набирая силу, новая волна и обрушивалась разрушительной стихией.

К началу апреля Гарик окончательно оклемался, и пятого числа они с Катей отправились на кавер-фест «Погружение в Nirvan'у», посвящённый памяти Кобейна.

Фестиваль задумывался как событие областного масштаба, и провести его планировалось на сцене главного ДК города. Но в последний момент отдел культуры Градска, до отказа набитый бывшими партийцами, посчитал, что гранж в понятие культуры не вписывается, а значит, и «нестриженным ширяльщикам» в храме культуры не место. Переубедить культурологов не вышло даже у Наумова, и сейшн пришлось перенести на родную площадку, в «Поиск».

Заявку на участие подали все группы города, за неделю до старта распределив между собой песни. Правда, в процессе чуть не переломали о головы друг друга «Аэлиты», «Уралы», «Тоники», «Стеллы», и даже один внезапный «Джексон», и пару вовсе уж неожиданных «Стратокастеров». Сверх этого уникальный колорит фестивалю придавал тот факт, что, за исключением пары вокалистов, текстов не знал никто. Как и языка в целом.

К слову сказать, случались трудности перевода и поинтереснее.

В 1995-м до неформалов Градска добралась книга «Русское поле экспериментов», изданная в Москве годом ранее. Под незатейливым дизайном чёрной обложки с белыми буквами были выпущены тексты Егора Летова, Янки Дягилевой и Константина Рябинова.

Книга ксерокопировалась бесчисленное количество раз, и местные панки, знавшие летовские песни только по перезаписанным десятки раз магнитным лентам, с бесконечным изумлением обнаруживали «летающего Башлачёва» вместо «летающего башмачка», «границы ключ» вместо «гранитного плюща», «картонный набат» вместо «котонного нава-ра» и прочие удивительности. Но, справедливости ради, надо отметить, что такие анекдоты оказывались прямым следствием культурной изоляции неформалов Градска – в отличие от их детей, которые спустя двадцать лет не отличали Ленина от Леннона и для которых что Морозов Пашка, что Матросов Сашка стали просто памятниками в заброшенном парке, местом для пивных посиделок.

За час до «Погружения в Nirvan'у» у клуба уже толпилась половина неформалов города. Они пили пиво, курили, смеялись и шутили. Едва ли не с каждой футболки наблюдал за происходящим белокурый парень с трёхдневной небритостью и полными меланхолии глазами. На всех значках, балахонах, рюкзаках и банданах пестрело: «Kurt Cobain», «Nirvana», «Nevermind», «Kurt Alive!» и показывали язык жёлтые рожицы с глазами-крестиками. Периодически мелькали «ГрОбы», «канабисы», «анархии» и «пацифики», но они мгновенно растворялись в жёлто-синем фоне, радужно наводнившем территорию возле клуба.

Всюду таскавшегося в балахоне «Нирваны» Гарика в этот день отличала от неформальной братии длинноногая спут-

ница в кожаных сапогах на десятисантиметровом каблуке – он любил её ноги. А она любила кеды. Адидасовые гопники сутуло прошмыгивали мимо «Поиска», ускоряя шаг и зыря из-под утиных кепок вслед джинсовой Катиной юбке.

Невдалеке от «Поиска», у перил, отделявших густой сквер от клубной площади, лежали свежие цветы и перекрещенные барабанные палочки, перемотанные в нескольких местах изолентой. Рядом тесным кружком стояли четверо и оживлённо что-то обсуждали. В отличие от остальных прибывших на «Погружение» они пили водку и заедали огурцами из двухлитровой банки. Чуть поодаль стояли две пустых бутылки из-под «Столичной».

Гарик заметил компанию и, держа за руку Катю, осторожно подкрался. Заговорщицки улыбнулся и подмигнул ей, призывая прислушаться к разговору.

С осушенными стаканчиками в руках, участники дискуссии жестикулировали огурцами и активно выясняли, что такое экзистенциализм – философия или система мыслительных действий. Катя, слегка приоткрыв пухлый рот, заинтригованно вслушивалась в слова.

Когда кто-то начал цитировать Сартра, Гарик не удержался и громко поприветствовал знатоков. Проглотив слова на полужвуке, все четверо живо обернулись и спустя момент рассмеялись радостью и вразнобой закричали приветствия, торжественно кивая девушке. Катя смущалась и добродушно улыбалась квартету.

Гарик раздал рукопожатия:

– Здорово, Дуст. Марк! Зи-Зи-Топ, дорогой, ты тоже тут!

Зи-Зи-Топ утвердительно блеснул зубом и поправил чёрные очки.

– Вент! Привет!

Вентиль преданно стиснул его в объятьях.

– Ну что, очухался, мертвец? – Дуст почему-то был трезв.

– Очухали, – уточнил Гарик и за талию притянул Катю к себе. Она прижалась щекой к его плечу и засветилась.

– Это Катерина! – подорвался Дуст и кинулся представлять Костину сестру присутствующим:

– Пацаны, это Катя. Поняли? Типа это... Да. Это вот, Катюха, наш проводник в мир альтернативной реальности.

Зи-Зи-Топ отразил во рту весеннее солнце и потряхнул бородой, похожей на куст.

– Это сэр Марк Наумов – наш это... учитель и наставник. Человек-легенда. Он весь город научил играть рок-н-ролл как надо.

Марк галантно кивнул и не спорил.

– А это Вентиль ушёл окурок гасить. Вент! Ручкой-то махни, болезный! Ну вот. Короче, Элен, это ребята. Ребята, это Элен.

Все, включая Катю, благодушно рассмеялись и зашлись в поклонах. После, будто спохватившись, подставили вернувшемуся Вентилю стаканчики. Вентиль снял со спины рюкзак с новой эмблемой «Металлики» и запустил в него руку.

Внутри, судя по звуку, было не меньше трёх бутылок. Глухо побрякивая стеклом, Вент извлёк «Столичную»:

– Кать, будешь?

– А у тебя там пива, случайно, нет? – неловко поёжилась Катерина.

– «Троечка» пойдёт?

Она согласилась.

– А почему тебя Венти́лем называют? Ты сантехник?

Вентиль, одной рукой наполняя стаканчики, сунул другую в карман и протянул Кате круглый, с пятью отверстиями, маховик пожарного вентиля. Она осторожно взяла вещьцу и с любопытством завертела в руках, будто пытаясь вычислить какой-то секрет.

– И зачем он тебе?

Вентиль закончил разливать, убрал водку в рюкзак и вытянул оттуда бутылку «Балтики № 3». Протянул пиво Кате, а она вернула ему кусок металла, внимательно наблюдая, что же он будет с ним делать. Вентиль просунул три пальца в отверстие и сжал кулак.

– Ах вот оно что!

Её брови удивлённо приподнялись.

– Находчиво. У Кости другой был. Он его, кажется, из латуни выпиливал. Несколько дней скрежетал.

– Был, – согласился Вентиль.

И все одновременно и молча повернулись к цветам. Ггарик вынул медиатор с буквами «БС», положил его в пере-

крестье барабанных палочек и задумчиво пробормотал, глядя на цветы:

– Знаешь, Катюш, почему у всех прозвища есть, а у Кости не было?

– Не задумывалась.

– Потому что все норовили звать его Кастетом. А он ни кликух, ни насилия не любил. Человека любил. Личность любил. А кастет таскал и ругался.

– Как видно, это... не зря таскал, – вклинил Дуст.

Выпили, не чокаясь, и хором хрустнули огурцами. Толпа у «Поиска», уже внушительно погустевшая и разогретая, оживлённо загудела.

– О! Впускают! – встрепенулся Вентиль.

Его рюкзак, разинув тёмную пасть, поглотил один за другим стаканчики с початой бутылкой, и вся компания вслед за толпой устремилась в клуб.

Внутри зал разогревался «Отбеливателем». Вентиль с Ду-стом тут же упрыгали слэмиться. Воодушевлённая предвку-тием события публика, как в последний раз, надувалась пи-вом – на сейшнах редко пили что-то крепче.

На внутренней стороне двери клуба блестили выведенные красивым женским почерком строчки: «Выпил водки и бухой? По последней – и домой!». Рассказывали, что однажды этот стишок произвёл сногшибательный эффект на одного американца.

Он очутился в Градске в связи с открытием в городе частной школы с углублённым изучением английского языка времён Шекспира. В первый же вечер, во время ознакомительной, с туристическим уклоном, прогулки по Градск-Сити, он обратил внимание на двух грустных молодых людей, уныло пьющих пиво на ступеньках «Поиска». Их лица выражали драму. Американца привлекли футболки с надписью «The Ramones». Подбежав к панкам, он, радостно бегая глазами, принялся тыкать в них пальцем и ликующе кричал: «Оу, оу! Рамоунз! Рамоунз! Кул, йе! Соу факин кул!» Панки, услышав «фак», приложили американца бутылкой и с траурными лицами продолжили разговор – от кого-то из них ушла девушка. Завуча той самой английской школы, выполнявшего в променаде функции гида, едва не хватил удар. Серд-

це его зашло, он подлетел к парням, перепрыгнув через лежащего американца, и, захлёбываясь самым русским, какой только возможен, языком, разъяснил им ситуацию. Ошальные панки, страшась международного скандала, затащили американца в клуб и старательно захлопали его по щекам, крича и брызгая в лицо слюной, ароматизированной «Балтикой № 9».

Придя в себя, интурист простонал: «Уот зэ хэл...» – и зажмурился от боли. Панки, заботливо прикладывая к американской голове холодное пиво, гладили иноземца по плечам и просили прощения глазами. Глядя на правдоподобность их раскаяния, добродушный американец смягчился и через завуча широко распорядился подать всем виски. Нашлась водка.

Пили все четверо, и много. Американец оказался с Манхэттена. Вышатываясь из «Поиска», он спросил у завуча, что означает надпись при выходе. Тот кое-как перевёл смысл стишка. Гринго пришёл в восторг и поведал, что в легендарном нью-йоркском клубе «CBGB», завсегдатаем которого он был в юности, на выходе висит надпись «No drink beyond this point». Выпив по такому случаю за Тайный Разум Вселенной, американец наконец собрался покинуть «Поиск», но не успел коснуться двери, как кто-то с ноги открыл её снаружи. Интурист свалился и снова потерял сознание. На сей раз приводить в чувство его не стали, а просто отвезли в гостиницу. Утром он ничего не помнил. А директор «Поиска» по-

сле тех событий почему-то поверил в реинкарнацию.

Барный ассортимент клуба не ограничивался пивом. Но напитки крепче четырёх градусов, как правило, были не по карману обычному «поисковому» конгломерату. Даже сигареты там продавались поштучно.

Наумов рассказывал про питерский клуб «TaMtAm», в котором наркотики стоили меньше алкоголя, а мордобой и ментовские налёты были естественным завершением девяти из десяти сейшнов. Говоря это, он гордился градской молодёжью, редко баловавшейся чем-то серьёзнее канабиса. (Хотя на самом деле отсутствие тяжёлых наркотиков в неформальной тусовке было лишь следствием тотального безденежья, а драки внутри среды случались редко потому, что всем с головой хватало бесконечных стычек на улицах.) Но, несмотря на неуёмную критику, с которой Марк отзывался о «Тамтаме», в голосе его с лёгкостью угадывались нотки жгущей тоски.

Наумов вообще любил вспоминать столицу русского рока. Каждый раз, когда в его руке оказывалась рюмка, он пускался в долгие рассуждения о самобытности Петербурга с населяющими его, как пчёлы улей, гениями андеграунда всех мастей, которые в умах наумовских слушателей рисовались фигурами равнозначными как минимум Фредди Меркьюри. После подобных экскурсов Марк моментально напивался.

В «Поиске» он вообще был редким гостем. А если и заходил на какой-нибудь сейшн, то ограничивался кружкой

пива и умиротворённо уходил, перезарядив батарейки созерцанием поколения lost. Сегодня же, едва переступив порог, Наумов принялся любезничать с молоденькой барменшей, похожей на певицу Линду, с кольцами в обеих губах. (Через год, после выхода альбома «Ворона», вообще добрая половина тусовщиц Градска окрасилась в чёрные цвета и любила марихуану.)

Очень в тему звучала «Love Buzz». Впервые видя, как Марк подкатывает к девушке, Гарик умилённо улыбнулся краешек рта и, минуя бар, утянул Катю к сцене.

Пробираясь между бесчисленными Кобейнами и язычатыми смайликами, Гарик поймал два округлившихся в изумлении глаза. Огненно-рыжая девица в кожаной юбке, раскрыв рот резиновой порнокуклой, порывалась в его сторону. Он притормозил и нацелил на неё вопросительный взгляд. Девица подбежала и завопила, ещё больше выкатывая и без того огромные глаза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.